

Павлова Ирина Петровна, Горбунова Яна Яковлевна

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В МАТЕРИАЛАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена сравнительному анализу номинаций демонологических персонажей в материалах восточно-сибирских русских старожильческих говоров, в которых представлены диалектные слова и заимствования из якутского языка. В научный оборот вводится самобытный региональный материал, ярко демонстрирующий тесную связь языка и духовной культуры народа. В речи русских старожиллов можно отметить заметное влияние языка коренных народов Якутии, прежде всего якутского языка. Сопоставление языковых реалий позволяет выявить типологические и национальные особенности в лексиконе говоров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 154-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

REPRESENTATION OF MARKET RELATIONS IN THE TATAR PROVERBS**Nurgalieva Rezeda Rifatovna***Institute of Language, Literature and Arts (ILLA) named after Galimdzhan Ibragimov
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Ilsaf0202@mail.ru*

The article is devoted to the research of those Tatar proverbs in which the folk wisdom in the sphere of barter and attitude towards money is brilliantly reflected (market, trade). The proverbs are analyzed where such money measures as ruble, coin and copeck play the important role; they are used not only for representation of the bill, purchase and sell but also take part in the evaluation of peoples' everyday life, their relationships so in this way help to make figurative meaning.

Key words and phrases: proverbs; market relations; ruble; coin; copeck.

УДК 811.161.1

Филологические науки

Статья посвящена сравнительному анализу номинаций демонологических персонажей в материалах восточно-сибирских русских старожильческих говоров, в которых представлены диалектные слова и заимствования из якутского языка. В научный оборот вводится самобытный региональный материал, ярко демонстрирующий тесную связь языка и духовной культуры народа. В речи русских старожилков можно отметить заметное влияние языка коренных народов Якутии, прежде всего якутского языка. Сопоставление языковых реалий позволяет выявить типологические и национальные особенности в лексиконе говоров.

Ключевые слова и фразы: русские старожильческие говоры; диалектизм; номинация; заимствования; семантика; демонологические персонажи.

Павлова Ирина Петровна, к. филол. н.*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
iravlova27@mail.ru***Горбунова Яна Яковлевна***Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
tomari_91@mail.ru***СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
В МАТЕРИАЛАХ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ И ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА[©]**

В настоящее время возрос интерес к диалектным словарным особенностям русской народной речи. Это объясняется необходимостью привлечения новых данных для реконструкции истории русского языка и смежных с ним родственных и неродственных языков. В народных говорах сохранилось много свидетельств отдаленного и близкого прошлого, не нашедших своего отражения в письменности. В литературном языке мы не найдем сотен тысяч слов, значений слов и фразеологизмов, которые звучат в устах народа на необъятной территории распространения русского языка. Можно потерять это культурно-языковое богатство. Проблема записи диалектной народной речи обострялась тем, что в наш век всеобщей грамотности местные особенности говоров под мощным воздействием литературного языка быстро исчезают.

Достойное место среди областных лексиконов занимает «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» М. Ф. Дружининой в 4-х томах [3; 4; 5; 6]. Словарный состав русских старожильческих говоров был собран и издан в виде уникального лексикографического труда. В языке русского населения Сибири отразилась жизнь интереснейшего края, начиная с появления здесь русских поселенцев, удивительная природа, контакты русских с местными народностями. В восточно-сибирских говорах русского языка сохранились элементы, давно утраченные на территории метрополии, это еще больше повышает научную и культурную ценность материалов регионального словаря. В то же время в них появилось и много нового, чего нет в говорах центра. Важно, чтобы весь этот материал был записан добротной и со знанием дела. Словарь содержит большое количество конкретных фактов, свидетельствующих о взаимодействии русского языка с языками коренных жителей Забайкалья.

В результате территориальной близости, а также устойчивых культурно-экономических связей между русским населением и якутским происходит активное взаимодействие языков. Русские говоры подвергаются влиянию якутского языка, что, прежде всего, сказывается в области лексики. В ходе изучения словаря нами выявлены слова, заимствованные старожилками Индигирки из якутского языка, методом сплошной выборки. Собранный материал подвергнут классификации и объединен в соответствующие семантические группы.

Процесс заимствования проходил в результате хозяйственно-экономических связей. Несомненно то, что «языковые контакты благоприятно способствуют возникновению разного рода заимствований» [11, с. 214], так вывод закономерен для контактной лингвистики, которая как раздел современного языкознания начала заниматься вопросами взаимоотношения разных языков.

Демонологическая лексика вызывает устойчивый интерес современных исследователей: и этнографов, и фольклористов, и лингвистов. В русской старожильческой традиции наблюдается специфический набор персонажей. На наш взгляд, интересно было посмотреть на номинации демонологических персонажей в сравнении материала якутского языка и русских старожильческих говоров Якутии.

Чученка с пометой «суевер.» означает в русских говорах «домового, привидение». В Русском Устье на Индигирке говорили: «Когда худоба кому жолзно быть, то случается, што чученка появится» [6, с. 133]. А в Походске Нижнеколымского улуса говорили, что «чученка пугает людей»: «Это чученка и была, когда вы сидели одна в чёмном-то ынтернате, слисали вы его саги, как она сагает» [Там же]. В словаре русских говоров к данной номинации дана помета «суеверное» и не указано возможное происхождение. По звучанию оно напоминает якутское слово. В якутском языке *чөсүөткэ*, *чөчүөккэ* – это «домовой, мелкий дух, имеющийся в каждом доме» [9, стб. 3674]. Как отмечает Э. К. Пекарский, это «дух, перенятый от русских, представляется в виде рыжеволосой девочки с неравными ягодицами» [Там же]. В семантике номинации отражается элемент неправильности: отрицательные (в данном случае, нереальный) персонажи имеют и неправильное строение, несимметричное расположение частей тела. Отметим, что словарь Э. К. Пекарского представляет, прежде всего, материал якутского языка, функционировавшего в центральной части Якутии (Таттинский наслег Ботурусского улуса). А лексема *чученка* зафиксирована в районах Крайнего Севера. Данный случай представляет, на наш взгляд, двойное заимствование: когда слово переходит из русского в якутский язык, а потом попадает в русские говоры Севера. Произношение слова в якутском языке считается фонетической адаптацией русского слова, это искаженное русское *соседко* «сосед». И Э. К. Пекарский отмечает, что дух и его номинация переняты якутами от русских. Фонетическая адаптация якутским языком русских слов отражена и в материалах русских говоров Якутии – в русских говорах сохраняется якутский вариант произношения.

Особенно интересен тот факт, что одновременно в языке старожиллов продолжает употребляться и имя персонажа русского домового – *Дедушко-соседко*: «Дедушко-соседко в застоечной половине избы живет, у огня он на шесточке» [3, с. 40]. В застоечной половине жилого помещения готовят еду, там огонь горит и тепло, старшие хозяева дома обычно всегда там. Было принято «огонь (огонек) покормить», то есть «раздобрить домового». «Особенностью демонологических рассказов о домовом становится нравственный фактор...» [1, с. 68]. Домашний дух принимает участие в отношениях внутри семьи, проявляет себя как спутник в жизни, в быту. К традиционным представлениям об обязанностях домового относятся охрана очага и предупреждение беды.

Обратим внимание на гендерное разнообразие вышеуказанных демонологических персонажей. *Дедушка-соседко* означает лицо мужского пола, *чученка* – это персонаж женского рода, и наконец, *чөчүөккэ* – якутский дух – всегда виделся ребёнком. В якутских материалах много легенд, страшилок для детей и взрослых, в которых *чөчүөккэ* в большинстве случаев является в балаганах прежде всего детям: почти в каждой семье есть рассказы о том, как дедушка или прабабушка в глубоком детстве играли с этим духом. При этом всегда говорилось, что это рыжий мальчик или рыжеволосая девочка, очень просто одетая, часто с грязным личиком, но очень веселый и проказливый ребенок. И в современной якутской семье по некой традиции светловолосого ребенка, особенно в раннем детстве, с любовью могут назвать *чөчүөккэ*.

Чучустур «пугало», как указано в словаре говоров, взято из якутского языка [6, с. 133]. В языке саха есть номинация *чыычый*, означающая «опасный, страшный» [12, с. 516]. В старину обычно так детей пугали. Но, возможно, в данном случае это близко якутскому *чучустур* «несколько одинаковых звуков, отделенных друг от друга очень короткими промежутками» [9, стб. 3700] и *чус* «короткий звук» [Там же, стб. 3699]. Также в словаре Э. К. Пекарского отмечено, что *чучустур* было «именем шамана, жившего в древности в Вилюйском крае» [Там же, стб. 3700]. Русскоустыинцы говорят: «Пужак, пуженка, говорят есть, оне пугают. Чучустур пугает людей» [6, с. 133]. А также: «По-якутски чучустур, говорят, а не пуженка. Мы да чучустур тоже гуврим» [Там же].

Пужанка и пуженка вызывает споры [5, с. 236]. Слово является исконно русским, образованным от глагола *пугать*, а значение трансформировалось. В словаре В. И. Даля есть слово «пужало» – страшило; все, чем пугают, что страшит, чего бояться [2, с. 688]. В Русском Устье существует суеверие, что *пужанка* – это «чёрт, нечистая сила, леший» [5, с. 236]. Живет в юрте (деревянное жилище под крышей, балаган): «А в той юрте пужанка и жила, всех пужала» [Там же]. Якутской реалией является в данном случае местопроживание этой нечисти – юрта или балаган, подчеркивается, что это деревянное жилище. Возможно, здесь противопоставление «свой – чужой»: в юртах-балаганах жили якуты. Отсюда произошел фразеологизм «*пужливой дом*», что значит «заброшенный, заколдованный старый дом (юрта, балаган, уруса и т.п.)» [Там же, с. 237]. Обратим внимание на синонимы-названия этого дома. И рассказы страшные имели место среди старожиллов: «Она говорит старику-ту своему: –Отвези-ка ты своо робэнка в ту юрту к пужанке...» [Там же]. Этот черт является одним из самых злых и страшных духов. *Пужанка* не только пугает, но и ест людей: «Пужанка-то вас и пужала, вы-то спать не могли. Старуха-то про себя имела, што дочь-то пужанка съела». Также *пужанками* называли ведьм и колдунов: «Доселе там, говорат, старой старик, колдун жил». Можно сделать вывод, что старожиллы были очень суеверны и настроженно относились к ведьмам и колдунам.

Интересно наличие в словаре старожильческих говоров нескольких родственных номинаций: *пужак* в значении «то же, что пужанка», но мужского рода, *пужа* «о пугливом человеке, в основном женского рода» [Там же, с. 236], *пуженька* «то же, что пужанка» [Там же, с. 237], уменьшительно-ласкательный вариант. И заимствование из якутского языка *чучустур* в русских говорах означает ту же *пуженку*, но мужского рода.

Как и на Русском Севере, в речи индигирцев распространены были легенды о *шулюканах* или *шулюкинах* «духах, демонах, живущих в воде»: «Шулюкины живут в воде, они из роруба выходят во врэмo святок» [6, с. 147]. Духи эти любят проказничать, в Походске Нижнеколымского улуса говорят: «Шулюкин он как маненькой человек, но он страстной, пугает, в юрты заходит да пакостит могот» [Там же]. Э. К. Пекарский, включая в свой словарь якутское *сулукун* «водяной, водяник, водяной дух», приравнивая его к духу-хозяину воды (*уу иччитэ*), указывает, что номинация заимствована из русского языка: в Иркутской губернии употребляется *шулюкун* или *шолокюн* в значении «нечистый дух, злой домовый, наряженный о святках» [8, стб. 2390-2391]. Одновременно в словаре дана следующая семантика: «богатый старик, господин глубоких вод, русский шелкун» [Там же]. Якуты боялись его как злого духа, который устрашает людей с начала Рождества и до Крещенья. *Сулукун* внешне отличается отсутствием бровей, живет он под водой подобно людям, разводя стада. На святках была традиция *сулукун буол*, значит шиликунничать, «быть ряженым, участвовать в маскарадах».

«Русские учились у сибиряков приемам охоты, добычи и обработки пушнины, узнавали много полезного о животном и растительном мире огромного края» [10, с. 171]. Народная терминология охоты в якутском языке характеризуется исключительным богатством. Самодостаточность охотничьего промысла обусловила хорошую сохранность лексических и мифологических данных. С охотой связано много традиций, поверий и обычаев. *Вајанај*, по Э. К. Пекарскому, «общее название духов, покровительствующих охотникам (звероловам) и рыбакам» [7, стб. 341]. Тесное взаимодействие языков, культур и хозяйственной деятельности приводило к проникновению элементов коренных языков в лексический состав русских старожильческих говоров. В словаре говоров зафиксирована номинация *Баянай* с пометой «устар. и суевер.». Это «дух, покровительствующий охотникам»: «Пусть Баянай поможет охотникам, не обделит их. Баянай – это дух. Он помогает охотникам, рыбакам, однако, тоже» [3, с. 51]. В якутской мифологической традиции *Байанай* живет в глухой тайге, это седой смешливый старичок. С охотой связано много традиций и поверий. Самыми распространенными являются и по настоящее время такие обычаи. В охотничьей избушке оставляются сухие дрова, спички, продукты для других охотников, иногда просто для людей, которые устали в пути, заблудились. Принято после пользования восстанавливать использованное, приготовить дрова. Охотничья избушка в тайге никогда не закрывается, доступна всем таежникам. Существует негласный, но твердый закон – разрушать что-либо в охотничьем домике не позволено – таковы элементарные требования суровой жизни в тайге. В конце промысла охотники всегда делят добытое поровну. Если охотников немного, иногда редкая добыча делится по определенным критериям – больше или все отдают многодетному охотнику-отцу большого семейства, которого с нетерпением ждут дома с добытым. Все это свидетельствует об определенных чертах национального характера. Традиции уходят корнями в прошлое: раньше удачливый охотник обязательно наделял частью добытого родственников и соседей, так как было принято делиться, также в следующий раз одаривали и его, считалось, если богатый добычей будет щедр, то и в дальнейшем у него будет удача на охоте, *Байанай* (дух охоты) обязательно отметит его.

В богатом словарном лексиконе русских старожильческих говоров мы видим региональные особенности мифологических представлений. Образы мифических персонажей позволяют восстановить традиционные представления народа об окружающем мире, особенности духовной культуры северян, а отсюда и элементы языковой картины мира русских старожил.

Описание и анализ собранного материала позволяют сделать вывод о том, что заимствованные из якутского языка слова, включаясь в систему разговорного языка русских старожильческих говоров, подвергаются активному освоению, приспособляясь к фонетическим и морфологическим нормам русского языка. Происходит процесс семантического, фонетического и морфологического освоения иноязычных слов. И этот процесс адаптации якутских слов носит строго закономерный характер.

Таким образом, в речи русских старожил можно отметить заметное влияние языка коренных народов Якутии, прежде всего якутского языка. Взаимовлияние языков отражается в области лексики, где наблюдается активное заимствование слов. Кроме того, в русских старожильческих говорах Якутии имеется ряд черт, свойственных якутскому языку и в области фонетики и грамматики. Но чисто в плане статистическом отметим относительную немногочисленность заимствований из якутского языка. Необходимо подчеркнуть тот факт, что старожилы сумели сохранить язык и самобытность своей культуры, несмотря на иноязычное окружение.

Список литературы

1. Грахова С. И., Исмаилова Н. И. Устные рассказы о домашнем духе: психология контакта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 2. С. 67-69.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2010. 896 с.
3. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии (А-В): учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997. 138 с.
4. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии (Г-И): учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2002. 118 с.
5. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии (К-П): учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 245 с.
6. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии (Р-Я): учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. 190 с.

7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. 1. С. I-XX. Стб. 1-1280.
8. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 2. Стб. 1281-2508.
9. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. Т. 3. С. I-VIII. Ст. 2509-3858.
10. Самсонов Н. Г. Русский язык в Якутии. Якутск, 1982. 182 с.
11. Шемчук Ю. М. Заимствование как проявление гетерогенности и следствие лингвотолерантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 1. С. 213-215.
12. Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 605 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF NOMINATIONS OF DEMONOLOGIC PERSONAGES IN THE MATERIALS OF RUSSIAN OLD-TIMERS' DIALECTS AND YAKUT LANGUAGE

Pavlova Irina Petrovna, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
ipavlova27@mail.ru

Gorbunova Yana Yakovlevna
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
tomari_91@mail.ru

The article is dedicated to the comparative analysis of nominations of demonologic personages in the materials of east-Siberian Russian old-timers' dialects which include dialectal words and borrowings from Yakut language. Distinctive regional material exemplifying clearly the close connection of the language and spiritual culture of the people is introduced into scientific use. The speech of Russian old-timers is characterized by the visible influence of the language of the native people of Yakutia, first of all the Yakut language. Comparison of linguistic realities enables to distinguish typological and national peculiarities in the lexicon of dialects.

Key words and phases: Russian old-timers' dialects; dialecticism; nomination; borrowings; semantics; demonologic personages.

УДК 882.09-1

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы изучения взаимодействия искусств в литературном тексте. Исследуется понятие интермедиальной традиции. Предлагается изучение традиций взаимодействия разных видов искусств в русской литературе с использованием категорий: интермедиальный элемент, интермедиальный жанр, интермедиальный герой, интермедиальная композиция. На материале произведения Александра Блока «Голоса скрипок» рассматривается интермедиальный элемент.

Ключевые слова и фразы: интермедиальность; литературная традиция; интермедиальные категории; жанр; герой; композиция.

Петрова Светлана Андреевна, к. филол. н.
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
siversl@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. БЛОКА «ГОЛОСА СКРИПОК»)[©]

В отличие от понятия «синтез искусств», термином «интермедиальность» [9] более точно определяются феномены взаимодействия искусств, так как в данном случае актуализируются связи на уровне художественных средств, в то время как слово «синтез» обобщает, а не уточняет это. В литературоведении разработано несколько значений указанного слова, но в данной статье используется определение со значением интермедиальности как способа организации художественного текста [7].

Специфика любого произведения искусства заключается в том, что оно может и принять в свою структуру интермедиальные элементы (т.е. включать в себя средства других видов искусств), и само стать источником подобных медиа для других творений. В этом плане, с нашей точки зрения, необходимо разграничивать прямую и обратную интермедиальные структуры/связи. Прямая структура – это включение интермедиальных элементов в произведение, т.е. внутренние связи любого вида искусств с другими видами, т.е. принятие. В то время как обратная интермедиальность предполагает то, что элементы произведения, относящегося к какому-либо конкретному виду искусств, включаются в систему другого художественного произведения, принадлежащего к другой сфере искусств. Это – внешнее взаимодействие, отдача.

В истории литературы можно перечислить значительное количество произведений, которые возникли на основе интермедиальности: «Медный всадник» А. С. Пушкина (литература и скульптура), «Крейцера